

Глава 15. Раскрытие карт.

21 июля 1995 г. Поместье Делакуров.

Раскаты хохота — вот что я услышал, подходя на следующее утро к дверям обеденного зала. Хохотал Киаран, но куда больше меня удивил тот факт, что периодически к нему присоединялись Джеймс и Жан-Клод.

— Доброе утро, господа. — Я прошел на своё место, с недоумением глядя на покрасневшие лица союзников, у Киарана даже слезы на глазах выступили.

— Над чем вы так смеетесь, если не секрет? — Спросил я, гадая, что могло довести моих друзей до подобного состояния.

Джеймс, сделав над собой видимое усилие, все же постарался ответить на мой вопрос.

— Думаю, господа, нам лучше сразу рассказать мистеру Бриттону, — после бала никто уже не называл меня Поттером, чтобы случайно не оговориться при свидетелях.

— Дело в том, Гарри, — роль моего просветителя взял на себя Киаран, — что на таких балах нередко, помимо их основного значения, заключается довольно много союзов по разным вопросам.

На этом месте сдержанный обычно политик захохотал еще громче, но я заметил, что взгляд у него, несмотря на веселье, слегка виноватый... Это настораживало.

— И очень часто на таких мероприятиях родители юношей и девушек изучают перспективных кандидатов.

В моей голове забрезжило некое тревожное предчувствие, поскольку вчера я точно так же ощущал, что часть заложенного в празднование смысла так и прошла мимо моего сознания.

— Вчера, — вступил наконец в разговор Делакур-старший, — я, честно говоря, не предупредил вас, чтобы вы маскировали свою силу и свои возможности. Киаран часто говорил, что в потенциале вы гораздо более сильный и могущественный маг, и ваши способности постепенно пробуждаются, но я не думал, что все будет настолько очевидно.

— Когда я смотрел на ваш танец с Флёр, — Джеймс, с некоторым сочувствием глядя на меня, попытался объяснить, — я заметил, что вы оба буквально светились от магии, вырвавшейся на свободу из вашего тела. Это показало большинству знающих людей, что вы — достаточно лакомый кусочек для желающих внести свежую и сильную кровь в родовую наследственность.

Бокал в моей руке, в первый раз за время присутствия в доме Делакуров, дернулся, проливая на стол часть содержимого, пачкая белоснежную скатерть уродливым багровым пятном.

— Господа, вы хотите сказать, что... — Я не договорил, придя в ужас от сложившейся ситуации.

— Именно. В любом достаточно замкнутом само на себя обществе есть остро стоящая проблема вырождения и потери сильных генов при частых межродственных браках. Это вы наверняка видели в Англии, сильнее прочих пострадавшей сначала во Второй мировой, где погибло немало волшебников, а потом и в Первой войне с Вольдемортом, отправившей на тот свет и в Азкабан почти всю элиту аристократии. Сами смотрите — из всего многочисленного рода вашего крестного, где рождалось множество, не побоюсь этого слова, могучих магов, в

итоге остался всего лишь один мужчина — Сириус Блек — и три женщины, вышедшие замуж в другие семейства — Нарцисса, Беллатрикс и Андромеда. Малфои, Гринграссы, Нотты, Прюэтты, Лонгботтомы, Лестранжи, Розье, даже те же Узли — всем им очень дорого обошлось последнее столетие.

— Значит, во Франции проблемы примерно те же? Но ведь французское сообщество гораздо многочисленнее. — Я посмотрел на ставшего серьезным Делакура.

— Проблема все равно остается. Пусть и стоит менее остро, но, поскольку аристократия имеет перед глазами такой пример, как Англия, да и изначально менее ориентировалась на браки между родней, — здесь ситуация чуть легче. Но все равно магов слишком мало, несмотря на все попытки Министерства и лидеров старых семей что-то изменить.

— И чем мне грозит вчерашняя потеря контроля, господин Делакур? — Я понимал, что ничего хорошего в ответ не услышу.

— Ну как вам сказать... Для начала — Делакур помахал рукой с зажатой в ней пачкой писем. — Я получил от двух своих сторонников вежливые письма с вопросом о том, связаны ли вы брачным обязательством с каким-либо благородным семейством. Джеймс, как ваш ближайший родственник, получил еще два с тем же вопросом.

— Во время вчерашнего бала у меня создалось впечатление, что некоторые рассматривают меня с очень хищным прищуром, — честно ответил я, стараясь не поддаваться нахлынувшей панике от того, как на все это отреагирует Флёр.

— Надо сказать, что в Англии, вы бы столкнулись с той же проблемой. Но там вас спасало три фактора, — Джеймс, подробнее остальных изучавший английскую прессу, а также обычно исполнявший роль аналитика команды Делакура, решил продемонстрировать мне весь расклад. — Там вас в каком-то смысле защитило воспитание у маглов, хотя вряд ли поместившие вас туда рассчитывали на подобный эффект. А второе, прошу простить, ваше достаточно слабое представление о своих возможностях, которые пытается сейчас в вас раскрыть Киаран.

— Третьим, видимо, является противоречивая работа прессы? — я, уже немного разбираясь благодаря учителям, в политике и общественной жизни, рискнул сделать свое предположение.

— Вы можете ставить памятник Скитер за её статьи. — Джеймс усмехнулся. — Её бредовые и недоказуемые заявления существенно сбили вашу репутацию перспективного жениха в глазах тех, кто вами интересовался. Опять же, вас наверняка «защищал» ваш опекун, которому невыгодно сближение национального героя со старой аристократией. Скорее наоборот, для политики постепенного уничтожения традиционных ценностей, директору Хогвартса было выгодно, чтобы вы женились на девушке из простой семьи, не придерживающейся кодексов чистокровных родов.

При упоминании Дамблдора мой глаза потемнели от ненависти, и только огромным усилием воли я удержал волну произвольной магии.

— Насколько я понимаю, просто так проигнорировать эти письма вы не можете?

— Максимум, мы можем сделать вид, что, поскольку вашего «батюшки», брата Джеймса, нет во Франции, то мы не в праве решать этот вопрос за него. Но оттягивать решение после вашего совершеннолетия не получится. — Жан-Клод, будто извиняясь, посмотрел на меня. — Вы уже зарекомендовали себя как сильный маг, политический союзник Делакуров, Годфруа и

Бриттонов на французской арене, вы сражались с нападшими на мое поместье. Теперь вы в некотором роде стали частью нашего общества.

— Могу ли я решать этот вопрос самостоятельно? — Я подумал, что проще всего будет открыть карты.

— Не раньше, чем вы избавитесь от опекуна. То есть либо по достижении совершеннолетия, либо обвинив его в недобросовестном выполнении своих обязанностей, к чему, кстати, есть множество поводов. — Делакур был серьезен. — Вчера к вечеру я получил оригинал завещания ваших почтенных родителей.

— Да, вряд ли Дамблдор будет учитывать мои пожелания... Учитывая, что он спит и видит, как бы женить меня на Джиневре Уизли, а потом с её помощью отобрать все деньги Поттеров после моей смерти.

За столом повисло молчание. Взвесив все «за» и «против», я собрал всю свою решимость и заговорил на самую страшную для человека моего возраста, как я понял из разговоров оставшихся в Англии однокурсников, тему.

— Господин Делакур... Учитывая сложившиеся обстоятельства, я считаю бесчестным для себя скрывать мои намерения. — Слова будто сами стали срываться с языка, стоило только начать. — Намерения в отношении Вашей дочери, Флёр.

Глаза политика остро блеснули, Киаран, напротив, одобрительно кивнул мне.

— Я хотел начать этот разговор в день своего совершеннолетия, но сейчас понимаю, что было бы неуважением к вам оттягивать его на целый год. — Я залпом выпил содержимое своего бокала, в который заблаговременно налил вина, чтобы хоть немного придать себе смелости.

— Мистер Делакур, я планирую просить руки вашей дочери, Флёр, в тот же день, когда мне исполнится шестнадцать. — Самые сложные слова, наконец, были произнесены.

— Думаю, вы уже сами поняли, мистер Поттер, что я не буду возражать против подобного союза. — Жан-Клод улыбнулся. — Но даже это не уберезет вас от того, с чем вы наверняка встретитесь в Шармбатоне, поскольку официальная помолвка все равно возможна только через год, а для контракта нужен опекун или ваше совершеннолетие. Опять же, официальная церемония помолвки требует назвать вашу настоящую фамилию, иначе магия не зафиксирует контракт.

— Я это понимаю. Но я хочу, чтобы вы знали о моем намерении.

Звякнул хрусталь бокалов, когда четыре наполненных вином сосуда столкнулись над столом, не пролив ни капли своего багрового содержимого.

Сразу же после завтрака я пошел искать Флёр, так и не появившуюся в зале, равно как и Габриель с их матерью. Слабый запах дыма, доносящийся из-под двери в комнаты девушки, меня несколько насторожил. Осторожно постучав и не дождавшись ответа, я толкнул дверь, оказавшуюся запертой.

— Alohomora! — ручеек силы в скользнул в ладони. Дверь дрогнула, но устояла. Значит, заперта заклинанием.

— Alohomora! — ревуший поток магии, от которого задрожал воздух, рванулся из моих рук.

Магия поместья, воспринимавшая меня после настройки, как члена рода, не препятствовала моим действиям, так что заклинание, поставленное силами Флёр на дверь, не устояло.

Открывшаяся передо мной комната была очень похожа на разнесенный мной зал в Хогвартсе. Частично разбитая в щепки мебель, осколки каких-то ваз на полу, запах гари от прожженного огненным заклинанием ковра — Флёр явно была в ярости. Вытащив палочку и на всякий случай наложив на себя сферическое защитное заклинание, я подошел к двери, за которой, видимо, скрывалась спальня девушки, и откуда доносились подозрительные звуки.

— *Inferflamio!* — огненный шар ударил мне прямо в грудь, но, поглощенный засиявшей защитой, бесследно исчез.

Стоявшая посреди разгромленной спальни Флёр в ужасе смотрела на меня. Судя по многочисленным подпалинам на стенах, она явно швыряла огненные шары куда попало, и мне просто не повезло случайно встать на пути очередного заряда. На покрытых копотью щеках покрасневшей, тяжело дышавшей девушки были видны две дорожки от слез. Она явно знала. И такая бешеная ревность, свойственная настоящим вейлам, немного пугала.

Медленно подойдя к застывшей девушке, я притянул ее к себе, одной рукой осторожно глядя шелковистые волосы на затылке. Ничего не говоря, я просто гладил напряженную спину, шею, плечи, чувствуя, как постепенно напряжение покидает её тело.

Отчаявшись добиться какой-то реакции у все еще находившейся в легком шоке девушки, я поднял ее на руки и уселся на каком-то чудом уцелевшую кровать, тут же подозрительно хрустнувшую подо мной.

— Я чуть было не убила тебя, Гарри. — Еле слышимый шепот.

— Ну, положим, не убила бы. — Повинуясь наитию, я прихватил зубами мочку уха, от чего по телу Флёр будто прошел разряд энергии. С сожалением отпустив ушко, я продолжил:

— Никому из них не удастся получить меня, Флёр. Сегодня я попросил твоей руки у Жан-Клода. — Заплаканные глаза в немом удивлении взглянули на меня.

— Так что, будущая леди Поттер, я не потерплю, чтобы вы находились в столь печальном настроении. — Нежная кожа шеи под моими губами такая мягкая и ароматная, что я едва не потерял голову.

По нашей связи до меня донеслась вспышка непередаваемого словами счастья, а потом бешеный вихрь буквально снес меня с ног, опрокидывая на кровать. Усевшись сверху, улыбающаяся до ушей девушка подарила мне жаркий поцелуй, потом... потом до нас дошла вся двусмысленность ситуации, и лицо моей любимой тут же залила краска.

Все мысли из головы будто унесло волной жара от сидящей на мне верхом девушки, обнявшей меня руками и ногами. Расширившиеся зрачки Флёр говорили о том, что у нее тоже... сложности, но просто мягко отстраниться ни у кого из нас не было сил.

Сквозь гулкий стук сердца пробился легкий скрип открывшейся двери в соседней комнате — кто-то решил полюбопытствовать, чем закончился наш разговор. Флёр быстро скатилась с меня, покраснев еще больше. Взяв ее за руку, я вышел в гостиную, где нас ждала, внимательно рассматривая прожженные стены, Мари Делакур во всем блеске работающей в полную мощь вейловской магии. Мне в голову как будто попало ударное заклинание, таранный удар невероятной мощности, шепот в голове, приказ покориться, упасть на колени.

Но поднявшееся в груди чувство любви к прижавшейся к моему плечу девушке позволило мне остаться на месте, удержать волну магии, рвущуюся в разум со стороны напрягающей все способности вейлы Мари Делакур. Стекла в окнах завибрировали, когда волна произвольной магии рванулась из моего тела, окружая меня невидимым коконом силы.

Наконец женщина выдохнула сквозь стиснутые зубы воздух и с улыбкой посмотрела на меня:

— Ну что ж, мистер Поттер, будущий Лорд Поттер... Теперь я вижу, что вы способны выдержать магию вейл. Я спокойна за будущее моей дочери.

Флёр с восторженным визгом повисла на шее матери, а я какое-то время стоял, пытаюсь собрать в голове мысли после неожиданной ментальной атаки.

— Мадам Делакур, никогда больше так не делайте... Это еще сильнее Империса...

— Простите, мистер Поттер, но это необходимая мера. Неспособный выдержать полноценную ауру вейлы маг не может быть мужем кого-то из нашего рода — мы не хотим ссориться между собой из-за слабого человека.

Невзирая на некоторое недовольство, вызванное таким способом проверки, я согласно кивнул, признав правоту женщины. Страшно подумать, что произошло бы, окажись я более подвержен её воздействию.

26 июля. Дом Блеков.

Две тени метались в полутемном подвале особняка Блеков, постепенно превращавшегося в неприступную крепость. Среди груд мусора и каменной крошки, освещаемых неярко мерцающими с потолка рунами, из стороны в сторону носились, посылая друг в друга разноцветные лучи, Сириус Блек и Ремус Люпин. Большая часть заклинаний создавалась в полной тишине, нарушаемой только хриплым дыханием уставших мужчин, и только самые мощные пока что выкрикивались вслух.

— *CatenaTenebrarum* (цепь теней — лат.) — поток нитей, сотканных, казалось, из сплошной черноты, рванулся с палочки Блека в сторону не успевшего увернуться оборотня.

В последний момент, уже опутанный не до конца стянувшимися жгутами, Ремус выкрикнул: — *AereaIgnis* (сфера огня — лат.).

Полыхнувший вокруг пламенный костер заставил аристократа отскочить, невольно прикрывая глаза ладонью от обжигающего жара. Шагнувший из бушующего огня Люпин, весь покрытый сажей, казался порождением какого-то мрачного подземного мира.

— *FlagellodeIgnis!* — огненная плеть с палочки Ремуса понеслась в сторону ухмыльнувшегося Блека, в последний момент сталкиваясь с водяной стеной *AquaMurus*.

— Хватит! — Мелодичный женский голос прервал разошедшихся магов. — Накопители дуэльного зала почти пусты, вы друг друга чуть не поубивали!

Нимфадора Блек, следившая сегодня за состоянием артефактов, не позволяющих сражавшимся нанести друг другу сильные повреждения, вовремя остановила затянувшуюся дуэль. Покачивая бедрами, обтянутыми шелком доходившей до колен юбки, девушка подошла к расслабившимся магам и, демонстративно вытерев платочком коготь со щеки оборотня, поцеловала враз покрасневшего мужчину. Сириус захохотал, глядя, как его друг пытается

совладать со смущением.

— Тонкси, ты великолепа, племяшка! Наш могучий и грозный маг покраснел от твоего невинного поцелуя!

— Бродяга, лучше замолкни, — Ремус нарочито сердито посмотрел на веселящегося друга. — Давай лучше разбор дуэли.

— Ты в следующий раз в меня сразу Адское пламя запусти, Лунатик! — Продолжая смеяться, Сириус наблюдал, каким взглядом оборотень провожает выходящую из зала девушку. — Я чуть не сжег себе брови от твоего маленького костерка!

Остановившаяся на пороге комнаты Нимфадора ехидно заметила:

— Дядя Сири, если у тебя остались силы — сбрось их в накопитель, а то он не успеет восстановиться к завтрашнему дню. — Послав Ремусу еще один долгий и многообещающий взгляд, девушка удалилась. Сириус снова захохотал.

— Лунатик, когда ты, наконец, поймешь, что она не просто так тебя провоцирует?

Погрустневший оборотень, растерявший после тренировки всю свою собранность, только покачал головой.

— Сириус, ну кому я могу быть нужен? Доре просто нравится шутить надо мной.

— А то я не замечаю, каким взглядом ты провожаешь её, пока она не видит, — Блек дружески ткнул локтем Люпина. — Да и она на тебя смотрит оч-чень даже хорошо. Выросла племяшка, ничего не скажешь.

— Сириус, я ... — Но Блек не дал другу договорить.

— Я знаю. Ты оборотень, ты слишком старый для неё, ты не сможешь обеспечить семью, ты не хочешь связываться с кем-то до окончания войны. Вот разве что последний твой аргумент я еще могу хоть как-то понять.

— Вот видишь.

— Не вижу. Старый? Да тебе столько же, сколько мне, а я старше Тонкси всего на десять лет. Оборотень? Ну-у-у... — Маг залихватски подмигнул другу. — Сказать тебе, какие преимущества есть у оборотней в отношении девушек?

Лунатик пихнул расхохотавшегося друга.

— Ты неисправим, Сириус. Пойдем лучше обедать. Умираю с голода.

— Пойдем, пойдем, волчище ты голодный. А насчет того, что ты, якобы, не сможешь обеспечивать семью...Помнишь, как после изгнания из рода я одно время жил у Джеймса и его родителей? Воспринимай это так же. Ты — последний из моих друзей. Всё моё — твоё. А мои дражайшие родственники оставили мне столько денег, что я не потрачу их до конца жизни... Даже если седобородый старикашка продолжит тянуть из меня золото на свой паршивый орден бездельников. Если бы ты захотел — то я бы принял тебя в род, но ради счастья племяшки Тонкси я не хочу этого делать, пока ты сам не попросишь.

Успокоившийся на какое-то время оборотень решил подколоть друга в ответ.

— А сам-то ты когда займешься личной жизнью, Блек? Ты говорил, даже твой крестник уже побеспокоился о достойной семье после совершеннолетия, а сам?

Сириус чуть поморщился.

— Видимо, я просто еще не встретил ту девушку, ради которой мне захочется забыть про то, что все мы смертны и идет война... Но мышцы молоды, и жизнь продолжается.

Войдя в обеденный зал, где уже стоял уставленный тарелками и блюдами стол, Сириус улыбнулся Андромеде и Нимфадоре, взявшим на себя заботу об особняке. Но приступить к трапезе ему не позволил сигнал защитных чар о том, что кто-то просит позволения войти.

Почувствовав ауру директора Хогвартса, Сириус сморщился, будто съел лимон.

— Лимонную дольку, господа и дамы? — Передразнил он доброжелательно-приторный голос Дамблдора. — Директор у порога.

Отдав приказ особняку, Сириус смотрел, как Дамблдор выходит из камина, окруженный бурлящими потоками магии Блеков.

— Сириус, маль... — директор поправился, — Сириус, не мог бы ты убрать эти заклинания?

— Простите, директор, — бывший вернейший сторонник Дамблдора спрятал усмешку поглубже в мыслях, — но защиту слишком долго убирать, а так Орден Феникса имеет безопасное место для сборов. Прошу вас к столу, господин директор.

— Я вижу, вы начали постепенно восстанавливать свой род? — Усевшийся за стол директор с интересом взглянул на женщин-Блеков.

— Если меня убьют во время войны — род не должен погибнуть, а мои предки были не совсем справедливы, изгнав из рода Андромеду и Нимфадору.

— Примите мои поздравления, леди, — директор по очереди посмотрел на них взглядом доброго дедушки, тщательно скрывая в мыслях огорчение от вида возрождающейся темной семьи.

— Есть ли какие-то новости, Дамблдор? — Сириус перевел внимание директора на себя.

— Полное затишье... — Альбус отпил вина, наслаждаясь изысканным букетом. — Ни один шпион не принес полезной информации, как будто лорд затаился и собирает силы.

— Вы по-прежнему не хотите воспользоваться моим предложением, Альбус? — Сириус пристально посмотрел на собеседника. — У нас достаточно палочек, чтобы взять штурмом поместье того же Мальсибера, и поговорить с ним по душам. На его совести еще в Первую войну было столько крови, что хватило бы на дюжину закоренелых убийц.

— Сириус, у нас нет права брать на себя правосудие... — Дамблдор осуждающе покачал головой.

— Эх, директор, — Сириус с печалью в голосе отвернулся к камину, чтобы не показывать яростный блеск глаз. — Ваше всепрощение вас когда-нибудь погубит... как и вера в то, что необученный серьезной магии Гарри сможет победить Темного лорда.

— Но ведь пророчество говорит, что он единственный... — Начал было Дамблдор, но Сириус

перебил его.

— А почему вы думаете, что верно истолковали ваше пророчество? — вмешался Люпин. — Выдать его нам в полном размере вы отказались. Может быть, значение пророчества как раз в том, что нужно обучить Гарри настоящей магии, и только потом, в решающем поединке, он сможет взять верх.

— Ремус, мальчик мой, я искренне уверен, что Гарри сможет победить только силой своей любви, скрытой в его сердце.

Блек проглотил аргумент, что ради сохранения этой самой любви директор за каким-то дементором отправил годовалого ребенка в его личный филиал Азкабана, к ненавидящим магию Дурслям.

— Что вы думаете делать, если Гарри не вернется в Англию? — Он с каким-то отстраненным интересом взглянул на Дамблдора.

— Я думаю, что он ответственный мальчик, и не захочет, чтобы от рук последователей Темного лорда пострадали его друзья, семья Уизли, заменившая ему родителей и другие простые волшебники, которые надеются на своего героя.

Со стороны Ремуса донесся неопределенный звук, будто бы оборотень подавился вином. Нимфадора заботливо похлопала его по спине.

— Я, собственно, зашел спросить, не присылал ли Гарри никаких писем. — Директор внимательно посмотрел на Сириуса.

— Прислал еще одно, — как бы с неохотой заметил аристократ. — Он отдыхает где-то на южном курорте в Штатах, наслаждается жизнью и отсутствием угрозы со стороны Вольдеморта.

— Очень безответственно с его стороны, — грустно заметил Дамблдор. — Надеюсь, мальчик одумается и вернется в Хогвартс к друзьям.

— Кто знает, Альбус, кто знает... — Сириус с деланным сожалением покачал головой. — Я не могу писать ему в ответ — совы не видят, где он находится.

<http://tl.rulate.ru/book/69499/1848526>